

*Оборона Москвы
Концлагерь в Германии
Партизанский отряд во Франции*

Алексей ФЁДОРОВ

МОЯ ВОЙНА

с 1941 по 1945

Москва
Издательство АСТ

УДК 94(470.23-25) "1941/44"+821.161.1-94
ББК 63.3(2)622+84(2Рос=Рус)6-44
Ф33

Серия «Фронтовой дневник»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Фёдоров, Алексей Александрович
Ф33 Моя война / Алексей Фёдоров.— Москва: Издательство
АСТ, 2016.— 508, [1] с.— (Фронтовой дневник).

ISBN 978-5-17-090763-2

С первых же страниц этой впервые издаваемой книги читателя захватывают свидетельства молодого советского лейтенанта, прошедшего через ужасные испытания — плен, концлагеря, неоднократные побег, переход через несколько оккупированных германскими войсками стран Европы — и влившегося, наконец, в ряды французского Сопротивления. Эмоционально, искренне и без прикрас автор повествует о мужестве и трусости, о героизме и предательствах, о любви, которой не могло помешать даже военное лихолетье, о верности Родине, далеко не всегда справедливой к вернувшимся из плена патриотам...

Подписано в печать 09.02.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Фёдоров, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

В воскресенье 22 июня 1941 года совет спортивного общества завода «Серп и молот», где я тогда работал, наметил провести в Измайловском парке Москвы профсоюзно-комсомольский кросс. И мне, как одному из лучших бегунов на средние дистанции, не раз отстаивавшему спортивную честь нашего завода на соревнованиях, предстояло принять в нем участие. Но в тот день всем было не до спортивных мероприятий: началась война, которую у нас назвали Великой Отечественной, и судьбы большинства людей в ту пору, да и моя тоже, круто изменились. Я, тогда двадцатипятилетний советский человек, глубоко переживал случившееся, обивал пороги военкомата — просился на фронт, хотел бить проклятых фашистов, посягнувших на мою Родину... Но добровольцем меня не брали: кому-то ведь надо работать, обеспечивать армию оружием, обмундированием и военной техникой. Таинственное слово «бронь» в каких-то списках напротив фамилии «Фёдоров» удерживало меня на рабочем месте.

Темп работы нашего завода непрерывно нарастал. Приходилось вкалывать в две смены, а потом еще ночью надо было дежурить на крыше лаборатории — тушить немецкие «зажигалки».

15 октября 1941 года в Москве началась паника, люди рванули на восток страны. На шоссе Энтузи-

Алексей ФЁДОРОВ

астов машины выстроились в шесть рядов и еле-еле двигались вперед...

И тогда я решил вступить в ряды коммунистической партии. Не ради карьеры, как это делали некоторые в мирное время. Тогда, в начале войны, иные из тех липовых коммунистов готовы были вовсе отказаться от своего высокого звания. Оно ведь могло и жизни стоить. Зная об этом, сбежали из города и люди, которые обещали дать мне рекомендации. Им было не до партии, не до народа, и уж точно не до рекомендаций. Они спасали свою шкуру. После войны я их встречал в министерстве — отделались легким испугом, даже по партийной линии получили только выговор, да директор завода Г. М. Ильин обратно на завод их не взял. А ведь они — дезертиры, на мой взгляд, настоящие предатели. Один из них — бывший начальник технического отдела завода.

16 октября меня вызвал секретарь парткома А. Д. Серов и сказал: «Хотя ты и беспартийный, но мы тебе доверяем. Хочешь сражаться за Москву — можешь пойти добровольцем в рядах коммунистических батальонов, которые создаются в эти дни в столице». Я, конечно, согласился, и больше того — обрадовался: наконец-то!

1.

Коммунистический батальон, в который входили жители Первомайского района, формировался в школе у Горбатого моста на шоссе Энтузиастов. Там записали наши адреса и другие необходимые данные, а после окончания формирования всех вместе отправили в Тимирязевскую академию, где нас построили и провели перекличку. Мы стояли в строю без оружия, были в своей гражданской одежде. Кто-то из военных сказал соответствующие случаю слова о том, что Москву проклятому фашисту не отдадим, что её защищают на дальних подступах войска под командованием генерала Г. К. Жукова, а на ближних подступах — воинские части под командованием генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. В состав войск, обороняющих Москву на ближних подступах, вошли и наши наспех сформированные коммунистические батальоны. Из них образовали полки, а потом и дивизии, получившие свои номера. Они стали называться дивизиями московских рабочих.

Я попал в первый стрелковый полк третьей дивизии московских рабочих (потом она стала гвардейской Тартусской дивизией), которая заняла

Алексей ФЁДОРОВ

позиции в районе Ховрина. Народ в этих формированиях был очень разный как по возрасту, так и по своим мирным профессиям. Некоторые когда-то проходили службу в Красной армии, но большинство держали винтовку в руках впервые.

Однажды полк построили, и вышедший перед бойцами командир спросил: кто хочет вступить в разведку? Желающих было много, и я, тогда молодой и сильный, с хорошей спортивной подготовкой, конечно же оказался в числе добровольцев. Меня зачислили в конный взвод разведки первого стрелкового полка.

Положение нашей армии под Москвой было сложным, и у разведчиков в то время дел хватало. Периодически они поступали в распоряжение штаба армии или 7-й гвардейской дивизии. И наш разведвзвод не раз выполнял задания командования этих частей, переходя линию фронта и бывая в немецком тылу.

Командиром нашим назначили молодого солдата-пограничника Ломтева. Он был, наверно, единственным профессиональным военным. Остальные: рабочие, инженеры, учёные — в общем, люди мирных профессий. Всего во взводе было 23 человека.

Случилось так, что однажды мы оказались в распоряжении штаба армии, обороняющей Москву на Ленинградском шоссе в районе села Ложки. Армейское командование приказало Ломтеву узнать, что за танковая часть вошла в соседнее село Х, и почему от её командования в штаб армии не поступало никаких сведений.

Оставив лошадей при штабе, мы, проваливаясь по пояс в снегу, лесом двинулись на выпол-

нение приказа. Я шёл в головном дозоре: смотрел прямо и направо, а шедший за мной Борис Березанский — прямо и налево. И надо же, солдатское счастье: я на несколько градусов сбился с проложенного пути, и мы оказались совсем в другой конечной точке, как выяснилось — в деревне Терехово. Она была пуста и безлюдна. Только в одном доме жители спешно грузили пожитки на сани, стараясь как можно быстрее покинуть родное жилище. Когда я спросил о нужной нам деревне Х, они сказали, что до неё километра два, и вообще она занята немцами. Мы усмехнулись: генералы-то уж лучше этих деревенских мужиков знают, кто занял деревню. Вот мы сейчас проверим, кто там засел...

Не выходя на дорогу, пробираясь со стороны предполагаемой линии фронта, мы лесом двинулись по направлению к интересующему нас населённому пункту. И правильно сделали, что осторожничали, — это нас и спасло. Лес кончился — поляна, кусты... Вдруг слышу, командир шепчет: «Лёшка, танки!» Мы тут же плюхнулись в снег. Огляделись: слева перед деревней стоят два танка. Чьи?.. Разглядеть невозможно. Ломтев подползает ко мне, вместе ползём к этим машинам. До них — всего ничего: метров двести.

Я уже хотел подняться и идти к танкам, чтобы выяснить, какой такой части они принадлежат, всё же не очень приятно барахтаться в сухом сыпучем снегу. Но не зря наш командир был пограничником — он всегда мыслил: а вдруг... Поэтому мы снова поползли. Подобравшись к танкам, залегли. Совсем рядом, за кустами, работал мотор, слышны

Алексей ФЁДОРОВ

были голоса, но разобрать, кто и на каком языке говорил, было невозможно, мешал шум.

Мы задумались. Может, всё-таки встать и пойти? Нет, пожалуй, не стоит. Лучше приготовим гранаты. Так оно надежней.

Вдруг из танковых пушек раздались два выстрела, и снаряды, просвистев над нашими головами, полетели в сторону леса, откуда мы только что пришли. В следующую минуту, развернувшись, тяжёлые машины пошли в нашем направлении. На их заиндевелых металлических боках ясно были видны белые кресты — немцы!.. Мы отползли в лес, вышли на опушку и увидели, как немецкие танки, а за ними пехота начали наступление на деревню Ложки, откуда наши начальники отправляли нас на задание.

К слову, позже в Ложках к немцам перешёл наш боец по фамилии Бабкин. Когда мы подошли к южной оконечности села, где ещё оборонялись красноармейцы, и вместе с отступающими начали отстреливаться, Бабкин залез под мостик через кювет и в ответ на наши сигналы об отходе помахал на прощание рукой и исчез. Сначала мы не поняли его поведение и только на пути в деревню Х вспомнили, что он часто говорил, будто немцы ведь не звери, как пишут наши газеты, и, кто знает, в плену, может быть, не так и плохо. Восстановив в памяти поведение Бориса, мы поняли, что он добровольно перешёл к врагу.

Ну а тогда, после разведки, домой, в часть, нам пришлось добираться пешком: наши лошадки достались занявшим деревню фашистам.

2.

Радостным для всех советских людей было время зимы 1941 года, когда Красная армия разгромила войска фашистских захватчиков под Москвой. Горжусь, что в той исторической битве в составе нашего полка принимал участие и я.

Вот ещё одно, почему-то застрявшее в памяти, воспоминание о том времени. Однажды я верхом возвращался в свой полк с донесением. Навстречу проехали несколько легковых автомашин. Знакомый поставой остановил меня, спросил пароль, пропуск и поинтересовался, знаю ли я, кто ехал в машинах. Я ответил, что мне, мол, не докладывают. На что он, ухмыльнувшись, сообщил: на фронт к генералу Рокоссовскому поехали сам Сталин (!) и Иден (министр иностранных дел Англии, между прочим, в те времена считавшийся одним из самых красивых мужчин Европы).

Второго января 1942 года отдел кадров МВО попытался отозвать меня из армии. Тогда многих отзывали — оставшись без специалистов, предприятия, работающие на армию, оказались в труднейшем положении. Но я попросил меня оставить в армии, и моё желание удовлетворили, но предупредили, что, прежде чем вернуть на фронт, меня отправят на курсы младших лейтенантов в знаменитые Гороховецкие лагеря. 5 января второго военного года я туда и прибыл.

Как оказалось — вовремя. В тот день предполагалось начало экзаменов очередного курса. Не имея

Алексей ФЁДОРОВ

особого желания тратить там время, я попросил командира полка включить меня в состав экзаменующихся. Строго посмотрев на меня, он спросил: «А зачем это Вам нужно? Осмотритесь, пройдите курс военных наук, ознакомьтесь с военной ситуацией, тогда и на экзамены...»

Я сказал, что спешу на фронт, там больше нужен, время терять не хочу. И, посмотрев ему в глаза, добавил: «Там же сегодня каждый человек на счету».

Несколько смутившись, словно я его в чем-то упрекнул, он, помолчав, ответил: все мы спешим на фронт, а там воевать надо, как известно, не только числом, но и умением, но этому надо учиться. Помолчав ещё, он резко произнёс: «Сдашь всё на „отлично“ — поедешь, будут „тройки“ — останешься ещё на шесть месяцев».

Да, жить шесть месяцев в тех условиях было бы нелегко. Бараки, в которых спали курсанты, сырые и холодные, питание скверное. И ведь дело было не в том, что не хватало продовольствия, нет. Обидно было видеть, что нам доставалась лишь половина положенного каждому пайка, а остальное воровали повара, штабисты и разное лагерное начальство.

Ну дело прошлое...

Экзамены продолжались 19 дней, и это было довольно напряжённое время, хотя результаты у меня были, в основном, отличные. Все теоретические предметы я сдал на «отлично», и только по физкультуре мне поставили «четыре». Это же надо... Мне, мастеру спорта, выигравшему лагерный кросс на 5 км по снегу в сапогах, принимавший экзамен старший лейтенант поставил «четверку» за то, что

при перечислении разновидностей лыж по их назначению я не назвал... ступающие лыжи.

Так я стал командиром взвода танкового десанта.

3.

Батальон наш формировался здесь же, в Гороховецких лагерях, и я имел прекрасную возможность видеть, как плохо готовили наших бойцов к войне. Маршируя по плацу, они много времени отдавали выработке строевого шага, до автоматизма доводили повороты «направо», «налево», «кругом», учились ходить в колонне по одному, по два и так далее, отдавали честь, делали ещё бог знает что, малозначимое и ненужное. Но при этом очень мало внимания уделялось тем дисциплинам, которые по настоящему необходимы на фронте. Да что там — они редко и мало стреляли, а как без такого умения воевать с хорошо подготовленным в военном деле врагом? Дело доходило до того, что один полковник на офицерском собрании заявил буквально следующее: «Если я вижу, что солдат перед офицером чётко отбивает шаг и хорошо его приветствует, то я уверен, что он будет хорошо воевать на фронте!» Все это поражало тех, кто читал вышедшую незадолго до войны книгу о Суворове, который был против подобного обучения...

Наконец, на станцию Ильино прибыла танковая бригада. Мы погрузились в товарные вагоны и двинулись на юг. Куда и с какой целью, не знали, но

Алексей ФЁДОРОВ

скоро оказались на небольшом железнодорожном разъезде. Было ясно, что это Украина, вокруг стояли беленькие мазанки. Зимы не было. Пригревало апрельское солнце. Зеленая травка, молодые побеги деревьев — все располагало к отдыху. Хотелось лечь на спину, лежать неподвижно, запрокинув голову, и, позабыв обо всём на свете, долго-долго смотреть в бесконечную глубину весенней синевы.

Но рядом шла война. Наша 199-я танковая бригада влилась в состав танкового корпуса, которым командовал генерал Пушкин. Корпус входил в 6-ю армию. Юго-Западным фронтом, в составе которого была эта армия, командовал маршал Тимошенко, а членом Военного совета фронта был Н. С. Хрущёв. Бригадой командовал полковник Демидов, комиссаром был Зимин. Командир моего танково-десантного батальона — бывший учитель капитан Галактионов, командир нашей роты — Телешев, лейтенант запаса. Заместителем его был тоже лейтенант, учитель. Мне достался первый взвод, командирами других стали младшие лейтенанты Торопов и Шанин.

Хорошо помню лишь нескольких бойцов своего взвода. Они не были кадровыми. Это — повар Рябков, столяр Кукавякин и плотник Липин. Заместителем моим был сержант Баранов. Числа седьмого мая к нам в бригаду приезжали командующий фронтом Тимошенко и член Военного совета фронта Хрущёв. Их приезд здорово воодушевил бойцов и командиров. Настроение поднялось, и даже выглядеть они стали по-иному. А тут ещё питание со дня приезда начальства улучшилось, так что бойцы, которые в Гороховецких лагерях были

на скудном пайке, здесь начали приобретать нормальный человеческий вид.

10 мая в бригаду приехал полковник, заместитель Тимошенко по технике, и выступил перед комсоставом. Он обрисовал обстановку так: мы находимся на южном участке Харьковского фронта, который острым углом врзается в расположение войск противника. На вершине этого угла находится город Лозовая, взятый у немцев в феврале. Фронт со стороны немцев, по данным нашей разведки, держат румыны и венгры, немецких частей практически нет.

Из его слов стало понятно, что наступление не за горами. Наступать на Харьков будем с юга, сильного сопротивления там не встретим.

И вот 12 мая на Харьковском фронте с юга и с севера наше наступление началось. Противник бежал, а мы его преследовали и уничтожали. И всё бы ничего, но нас нещадно стали бомбить самолёты. Несколько раз в день нам приходилось слезать с танков, убегать метров на сто в поле, а немецкие бомбардировщики в это время с воем пикировали и наносили бомбовые удары по танковой колонне. После того как у них кончались бомбы, они начинали обстреливать наших бойцов из пулемётов. Я ложился на спину и стрелял из автомата в пикирующие на нас бомбардировщики, но без толку.

Прошло пять дней наступления. Наша и правобланговая 198-я бригада оказались в районе деревни Рябухино. Вот здесь мы впервые почувствовали, что такое немец! Почти 100 наших танков в течение дня не могли взять деревню. Они горели, как хаты. В атаку идти было невозможно, от леса до

Алексей ФЁДОРОВ

деревни было метров восемьсот — ровное поле. Ты у немца на виду и спрятаться негде.

Меня подзывает командир второго танкового батальона, спрашивает, где мой взвод. Я указываю, где залегли бойцы.

— Бери взвод, садись на «КВ» и вперёд. Выполняй!

Приказ есть приказ. С боков башни ложатся два пэтээровца со своим противотанковым ружьём, я как командир ложусь за башню, а бойцы — рядом со мной. Танк выходит из укрытия и направляется в деревню. Проехав метров сто, я оглянулся, думая, что за нами следуют другие машины. Ничего подобного — мы одни! Ещё сто метров — опять одни. До деревни оставались буквально метры — а за нами никого. Немцы начали молотить нас из пулемётов. Что делать? По уставу полагалось прыгать с танка на расстоянии 30 метров от противника и идти в атаку. Но что мы можем сделать — 20 человек? Вокруг танка рвутся снаряды. Даю команду — покинуть броню. Прыгаем, а танк один идёт на деревню, и ему хоть бы что — ни одного попадания. Это было какое-то чудо.

Весь взвод собрался в большой воронке от авиационной бомбы и с её края стреляет по деревне. Враг перед нами — стреляем по врагу. И вдруг слышим: «Ура-а-а!» С левого фланга наши ворвались в деревню. Только тогда мне стало ясно, какую задачу мы выполняли: участие в отвлекающем маневре.

Но далеко не все события в тот день развивались так удачно. Наступил вечер, а село Рябухино ещё не было взято.

Это было 17 мая. Командир бригады собрал офицеров и начал свою речь так: «Получено радио с Большой земли (такое вступление ошеломило буквально всех командиров). Нашей бригаде дан приказ идти назад, прорвать окружение и у реки Донца ждать отходящую пехоту». Можно представить наше состояние после этих слов... Пять дней успешных боев коту под хвост! Оказывается, немецкие войска, освободившиеся под Керчью (как я после узнал у одного немецкого офицера), были срочно переброшены на харьковский участок и спокойно, не встречая сопротивления, отрезали три наши наступающие армии, заняв весь правый берег Донца.

Штабам трёх армий удалось переправиться через реку. Бойцам сказано, что танковая бригада идёт в тыл. Жители деревень, которые мы проезжали, приветствовали нас как победителей. В одной был госпиталь. Раненые бойцы подбегали к танкам, спрашивали, как дела на фронте, смеялись, радовались удачному наступлению. Да и наши солдаты, не знавшие, в каком катастрофическом положении мы находимся, тоже смеялись, делились с больными махоркой, шутили и предсказывали близкую победу. Мол, вот-вот, ещё немножко...

А кольцо-то вокруг нас уже было замкнуто. И всех — и раненых, и не раненых — ожидала одинаковая судьба.

Недалеко от Донца, километрах в четырёх, раскинулось в яру село Волобуевка. Большое такое село. Мы подошли к нему вечером и увидели на той стороне яра немецкие танки. Нашего комбрига не было — он исчез. Командовал бригадой Зимин. Ясно, что бронемашинам в деревню идти нельзя, се-